

А. С. СУВОРИНУ

<Конец мая 1904>

Должен перед Вами извиниться, дорогой Алексей Сергеевич, что так поздно Вам отвечаю: я был уверен, что Вы не в имении своем, а где-то в Москве, ибо в редакции мне сказали, что «папаша вызвал в Москву Бориса Алексеевича по телефону». — Спасибо Вам от всей души за предложение мне, на летнее время, критического фельетона по пятницам. Постараюсь. А как будет старание — увидите.

Русскую литературу, при всех ее «текущих недостатках», я очень люблю. В разные времена жизни я верил или пытался верить в разные стороны нашей жизни: то — в государство, то — в церковь. А кончил, казалось бы, самой вульгарной верой — в литературу. Главное тут меня трогает ее *старательность*: чего-чего она *не видит*, о чем только — не заботится? Это в сущности превосходный штат не нанятых чиновников. Первородный ее грех — самолюбивость, самолюбие,— но и тот парализуется безвредностью этих самолюбий, которые у всех на виду вызывают на смех, а *ядовитого вреда* не приносят.

Итак, вне этого первородного греха, притом не вовсе всем присущего, она есть вполне нравственное явление, и вот это всего более к ней привлекает. И притом нравственное — без ханжества, без подхалимства, а просто *на самой работе и вследствие работы*. Вот отчего литература заняла такое огромное место в жизни Европы, и хотя «г. г. литераторы» не в ризах, а в сущности священники. Прочел в воспоминаниях Фаресова о Лескове его (Л-ва) горячий отзыв о Вашем, очевидно, стародавнем новогоднем рассказе, как г-жа NN, в кою влюблен полковник, принимает к себе на ночь любовника-офицера, а ночью возвращается ее муж, она любовника спрятала в трюмо и он задохся. Об этом знает лакей — и навязывается уже насилино (шантаж) ей в любовники. Ужасное положение, и возможное. Лесков говорил, что знал такой случай в Орловской губернии, где барыня, через узнание ее тайны, попала в руки конюха, и сошла с ума: она все бедная мылась, боясь, что от нее лошадиным потом пахнет. Какие бывают истории! Ну, дорогой, отдыхайте на даче. Особенно сюда не торопитесь: копите силы на зиму. Ведь Вы «Маленькими письмами» за войну тысячи гонорару заработали. Кстати, до чего, я думаю, *технически неловко*, что Вы за статьи свои гонорара не получаете: прямо *неудобно* работать. Я бы на Вашем месте завел особую графу *хозяйства*. Ведь имеет же свое хозяйство у Вас типография, из-

дание, газета, магазин. И для литературы бы тоже.— Ну, про-
стите за шутку:

Как уст румяных без улыбки
и проч.

Крепко жму руку.

Ваш В. Розанов.

МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

<После 4 ноября 1905>

Спасибо, что ответили, уже перестал ждать: и только мучил-
ся: зачем я в такое занятое время написал занятому человеку
такое неуместное письмо с глупым вопросом: «рассудите меня,
помогите мне понять меня самого».— Ну, вот, дочитал письмо
до конца: вижу и Вы это заметили: «кровь льется кругом, а вы
пишете — о себе». Но то был порыв и собственно давний
порыв — написать Вам, и даже писать Вам (т. е. иногда),
хотя бы и не дожидаясь ответа (Вы заняты: и на молчание я
ни мало не рассержуясь, раз зная общее добродетельное отношение ко
мне).

«Красиво погибнуть на глазах народа и за народ» — разве
я не знаю тайны этой?

Конечно — это и значит взойти на Небо и стать вечным, как
делали древние полубоги.

Вы лирик («Песня о соколе», да и все), у Вас есть мечта и
способность мечты — потерянная почти всем миром и от потери
которой он, собственно, и стал «мещанством». Знаете, даже Тол-
стой больше «мудрит», больше «сознательно ведет толпу, к чему
ему хочется», нежели поет песню* т. е. то, что теперь более
всего нужно миру и чего более всего миру недостает. Письмо
Ваше ужасно многое в Вас мне объяснило, именно объяснило
тот героический момент, который Вы очевидно играете, создаете,
делаете в истории; его возбуждаете в других, ибо его имеете в
себе. Дураки назвали это «романтизмом», когда это «в самом деле»: а когда это «в самом деле» — то ведь больше миру ничего
и не нужно.

Ну, я Вам скажу на это вот что: у меня 5 детишек, между
4 и 10-ю годами, семья склененная незаконно (тайный брак, 1-ая
жена меня оставила в 1886 году и жива, вторая — всю себя

* <Сбоку на полях примечание Розанова> Тут я не разумею тепереш-
них поэтов, которые пишут стихи, а не поют песни: песня — душа века, но
лучшая, плачущая о себе или над собою.